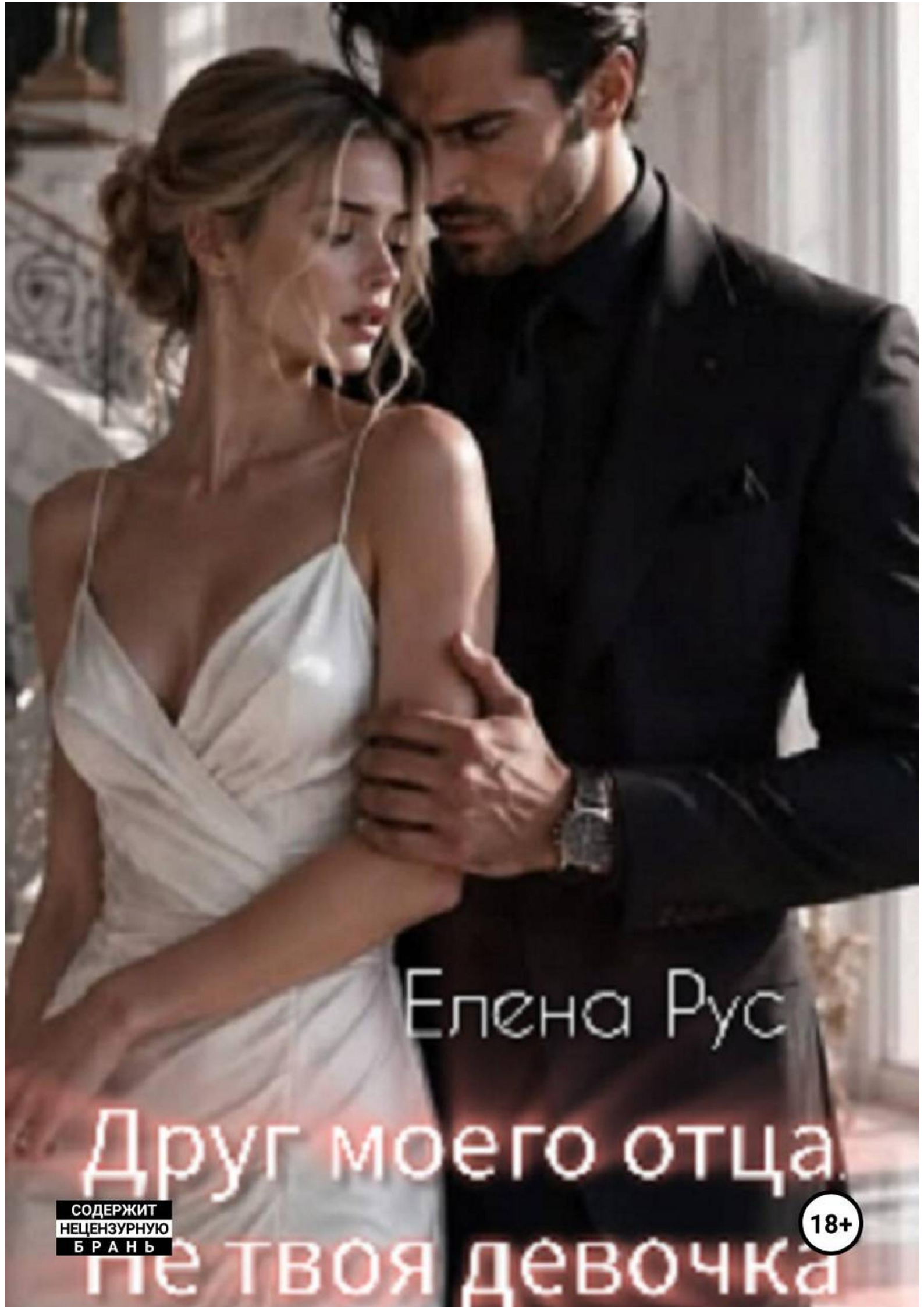

Елена Рус

Друг моего отца

не твоя девочка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Рус

Друг моего отца. Не твоя девочка

«Автор»

2026

Рус Е.

Друг моего отца. Не твоя девочка / Е. Рус — «Автор», 2026

Амелия, вынужденная покинуть Москву по воле отца и оказывается в солнечной Калифорнии, там, где всё кажется ярким, глянцевым и до боли чужим. Её «ссылка» под предлогом получения образования, способ убрать неудобную дочь с глаз долой, пока отец строит новую семью. В аэропорту девушку встречает Кирилл Викторович Богданов, друг отца и человек, которого Амелия когда-то в юности считала воплощением надёжности и силы. Детская влюблённость, старательно забытая за пять лет, вспыхивает с новой силой, но теперь на её место приходят растерянность, гордость и желание доказать, что она больше не та робкая девочка, нуждающаяся в присмотре. Противостояние Амелии с волей отца, напряжённое, полное невысказанных чувств, взаимодействие с другом отца и попытка найти опору в незнакомой стране, складываются в эмоциональную историю о том, как сложно отстаивать право на собственную жизнь и как порой единственный человек, способный стать твоим якорем, оказывается самым опасным выбором из всех возможных.

© Рус Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Амелия	5
Глава 2 Кирилл	7
Глава 3 Амелия	10
Глава 4 Кирилл	12
Глава 5 Амелия	14
Глава 6 Кирилл	16
Глава 7 Амелия	19
Глава 8 Кирилл	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Друг моего отца. Не твоя девочка

Глава 1 Амелия

Я спускаюсь по трапу и горячий калифорнийский воздух ударяет в лицо, словно пощёчина. Он густой, пряный, совсем не такой, как наш московский, там воздух всегда острый, колющий, он бодрит. А здесь он липнет к коже, заставляет чувствовать себя чужой. Иронично, что именно сюда меня сослали, чтобы я «остыла» и перестала «портить нервы» отцу и его драгоценной Жанне.

Отец... Даже мысленно я стараюсь не произносить это слово с теплотой. Оно сейчас царапает горло. Третья жена. На старости лет решил поиграть в молодую семью. Жанна там, окружённая такой заботой, что даже тошнит, а я так, лишняя деталь в его идеально выстроенной картине мира.

«Амелия, тебе нужно образование, мир посмотреть, это для твоего же блага» — говорил он, избегая смотреть мне в глаза.

А я-то знала правду, я слишком громко дышала в одном доме с его новой идиллией. Слишком напоминала ему о том, что его жизнь, это не только новые начинания, но и старые, неудобные хвосты вроде меня.

А Рита... При мысли о ней к горлу подступает ком. Моя лучшая подруга, бывшая папина вторая жена, и моя ровесница, с которой мы могли болтать ночи напролёт. Она понимала эту абсурдность нашего «семейного счастья». И когда она влюбилась в охранника и сбежала, я даже не осуждала её. Кто-то должен был вырваться первым. А я осталась. До тех пор, пока отец не нашёл способ избавиться и от меня.

Я иду сквозь стеклянные двери аэропорта, таща за собой чемодан, который кажется тяжелее, чем был в Москве. Вокруг всё такое яркое, глянцевое, чужое. Люди улыбаются, спешат к встречающим, обнимаются, кричат от радости. А я чувствую себя невидимкой. Или, хуже того, экспонатом, которого привезли на выставку в другую страну.

Я умоляла отца оставить меня в Москве, но он был не преклонен. Он всегда отличался жёстким характером. А когда умерла мама, вообще стал для меня чужим. Но он меня вырастил и я не имею право его осуждать. Но самая главная проблема в том, что я не хотела лететь в Калифорнию и ещё по одной причине.

И вот эта самая причина сейчас должен встретить меня в здании аэропорта. Тот, кого я пыталась вычеркнуть из головы все пять лет.

Я замечаю его не сразу. Сначала вижу этот чёрно-белый контраст, который врезается в сетчатку, его строгий тёмный костюм на фоне светлого зала. Он стоит чуть в стороне от толпы, не размахивает табличкой, не суетится.

Кирилл Викторович Богданов. Папин друг.

Мужчина, которого я когда-то, в свои пятнадцать, считала самым красивым, самым надёжным, самым... невозможным.

И вот сейчас его харизма просто валит меня наповал. Он слегка хмурится, высматривая меня в потоке пассажиров. В этом жесте вся его суть, собранность, контроль, дистанция.

Он ищет глазами меня, ту самую девочку с косичками, с рюкзаком, за которой обещал «присмотреть», пока я буду находиться в чужой стране.

Но он ещё не знает, что эта девочка выросла. И что она до сих пор смотрит на него так, будто он единственный якорь в этом чужом, раскалённом мире.

Я замираю на секунду, позволяя себе просто смотреть на него. Пять лет я убеждала себя, что это была детская влюблённость, глупый каприз. Но сейчас, стоя в десяти метрах от него, я

чувствую, как внутри всё сжимается от одного его присутствия. Это не просто волнение. Это страх. Страх того, что он посмотрит на меня и увидит снова только дочь своего друга.

Он наконец-то замечает меня. Его взгляд скользит по толпе и вдруг замирает. В его глазах на долю секунды мелькает что-то, похожее на замешательство. Он явно не ожидал увидеть здесь эту версию меня. Я не опускаю глаз. Пусть смотрит. Пусть видит, что я больше не та маленькая девочка, которая пряталась за спиной отца и краснела от каждого его слова.

Он делает шаг ко мне, и я чувствую, как воздух между нами становится гуще, тяжелее. Его лицо остаётся непроницаемым, но в этом спокойствии чувствуется напряжение, такое же, как в тугой струне, которая вот-вот лопнет.

— Амелия? Ты? — произносит он, и его голос, низкий, чуть хриловатый, звучит здесь, в этом шумном зале, как что-то невероятно личное.

— Ты... ты так выросла!

Я делаю ещё один шаг вперёд, чувствуя, как каблуки стучат по полу, отсчитывая секунды моей новой жизни.

— Да, Кирилл Викторович! — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но в нём всё равно прорывается эта горькая, колючая нотка.

— Я выросла. И теперь мне не нужна нянька.

Он от этого слова «нянька» удивляется и в его взгляде мелькает что-то, похожее на обиду, смешанную с раздражением. Но я не собираюсь жалеть о сказанном. Пусть знает, что я здесь не для того, чтобы быть удобной.

— Твой отец просил присмотреть за тобой! — говорит он, и в его словах нет укора, скорее, это констатация факта, броня, за которую он сейчас прячется.

— Поэтому твоя ирония не уместна, я человек слова и обещал ему помочь тебе с обустройством и с .. со всем остальным!

Я усмехаюсь, но в этой усмешке нет веселья.

— Мой отец много о чём просит. Но я здесь не для того, чтобы исполнять его просьбы, чтобы учиться и присматривать за мной не надо! Я взрослая девочка!

Он смотрит на меня долго, пристально, и в этом взгляде я вижу не только взрослого мужчину, оценивающего ситуацию, но и что-то ещё. Что-то, от чего у меня перехватывает дыхание. Будто он впервые видит меня не как дочь друга, а как женщину. И этот взгляд обжигает сильнее калифорнийского солнца.

— Ладно! Взрослая девочка! — наконец произносит он, слегка наклоняя голову, и я замечаю, как напряжены его плечи.

— Давай сначала доберёмся до дома. А потом будем разбираться!

Я киваю, чувствуя, как внутри всё дрожит от этой странной смеси облегчения и страха. Он рядом. Он здесь. И теперь мне придётся учиться жить с этим. С тем, что самый запретный человек в моей жизни стал моим единственным проводником в этом чужом городе.

Глава 2 Кирилл

Я провёл ладонью по лицу, будто пытаюсь стряхнуть усталость, которая налипла за день, как пыль на стекло. В офисе и правда всё валилось из рук, сроки по контракту горели, юристы сыпали правками, инвесторы требовали гарантий, которых пока не было. Я привык держать всё под контролем, но сегодня контроль будто ускользал сквозь пальцы.

Телефон завибрировал настойчиво, будто знал, что я не хочу отвечать. И на экране высветился Мишка. Сердце слегка дёрнулось.

С Мишей Речкиным мы прошли столько, что одного взгляда хватало, чтобы понять друг друга без слов. Стройки, промерзшие площадки, ночи над сметами, споры до хрипоты и победы, от которых кружилась голова. А теперь разные страны, разные ритмы и только эти звонки напоминали, что прошлое никуда не делось. Миша в Москве стал большим инвестором, но его деятельность не была чиста. А я пять лет назад решил уехать в Калифорнию, чтобы здесь начать всё сначала.

Я выдохнул и нажал «принять».

— Да, Миш! Привет! Неожиданно, но рад, слышать тебя друг! — голос прозвучал чуть резче, чем хотелось, выдавая напряжение.

— Здравствуй, Кирилл, взаимно рад! Ты весь в делах? Даже не помню, когда последний раз и виделись с тобой? — голос Миши звучал так привычно, будто мы виделись вчера.

Я прикрыл глаза, пытаюсь выцепить из памяти тот самый день. Мелькнула картинка, промозглый московский вечер, мокрый асфальт, мы стоим у офиса, который снимали вместе, курим и смеемся над какой-то глупой шуткой, которая тогда казалась невероятно смешной.

— Кажется, лет пять! — тихо ответил он, и в этом «пять» прозвучала странная тяжесть, будто за эти годы уместилось слишком много всего, что словами не передать.

— Даа, много воды утекло! — протянул Миша, и в этой паузе я услышал всё, и то, что друг понимает, как тяжело сейчас приходится, и то, что не будет давить расспросами, если не хочется.

— Слушай, не буду долго грузить тебя! Я на самом деле Кирилл к тебе с просьбой! — Миша будто специально сменил тон, сделал его легче, будто накинул на серьёзность тонкий слой будничности.

— Ты же помнишь, у меня есть дочь Амелия? — начал Миша и перед глазами вспыл образ девчушки-пацанки с вечно разбитыми коленками.

— Ну конечно помню! — ответил я, не понимая к чему клонит друг.

— Кирилл мне нужно, чтобы ты за ней присмотрел, там в Калифорнии? — сказал Миша. А я из его слов пытаюсь понять о чём идёт речь.

«Присмотреть за Амелией...» Я сжал телефон, чувствуя, как в висках начинает пульсировать.

— Подожди, Миш. — я невольно понизил голос, хотя в кабинете никого не было.

— Ты сейчас серьёзно? В каком смысле «присмотреть»?

На том конце провода повисла короткая пауза, та самая, в которой Миша всегда собирался с мыслями, прежде чем сказать что-то важное.

— В прямом смысле Кир! — наконец ответил он, и в его голосе впервые прорезалась не привычная бравада, а усталость, почти надлом.

— Просто... я не справляюсь. С Жанной они на ножах, Амелия дома как на пороховой бочке. Я думал, пусть поучится, выдохнет. А я тут разгребу... ну, свои дела.

Я знал, какие «дела» разгребает Миша. И знал, что за этим «разгребу» могут стоять вещи, о которых лучше не спрашивать.

— Ты же понимаешь, что она не ребёнок уже? — тихо отвечаю я Мише.

— Ей сколько уже? Двадцать наверно?

— Да, двадцать исполнилось, две недели назад! Но это ничего не меняет, мала она ещё Кир для взрослой жизни! — коротко бросает Миша, и в этом слове «мала» прозвучала такая тяжесть.

— И она моя дочь! И я... я не хочу, чтобы она видела то, что тут творится. Пусть будет там. В безопасности. А ты... ты единственный, кому я могу её доверить.

Я снова провёл ладонью по лицу, будто пытаюсь стереть не только усталость, но и это чувство, будто меня загнали в угол. Мишка мой друг, который мне помогал в моих начинаниях за границей, когда казалось, что я не справлюсь. И я конечно не мог ему отказать.

— Ладно! — выдохнул я наконец.

— Когда она прилетает?

— Вылет сегодня дневным рейсом. Квартиру я ей снял, адрес и всё остальное, скину на твою почту!

— Спасибо, Кир. Я тебе должен! — продолжил Миша, но я его резко прервал.

— Не надо Миш! Просто... не подставляй себя! — ответил я ему серьезно.

— Постараюсь. — сухо ответил он и я понял, это максимум, на что он сейчас способен.

Мы попрощались и я ещё минуту сидел, глядя на погасший экран телефона. На ноуте пропиликала почта и я записал в телефон всю информацию, что скинул Миша.

«Да, друг, ну и задачу ты мне задал...?» — прошептал я в пустоту кабинета, а слова прозвучали чуждо, будто их произнёс кто-то другой.

Я вышел из офиса и город накрыл меня сразу, шумом и жарой. Этот густой калифорнийский воздух, который будто лип к коже и мешал дышать. Я шёл к машине, не замечая ничего вокруг, а перед глазами стояла та Амелия из прошлого, с косичками, которая когда-то смотрела на меня снизу вверх, будто я был кем-то вроде героя.

Аэропорт был в часе езды. Зал встретил меня гулом голосов и смехом. Рейс уже объявили и я стал высматривать глазами ту девочку, что помнил ещё ребёнком.

И когда я её увидел, сначала подумал, что это не она. Девочка шла, таща за собой чемодан, который, казалось, весил больше неё. Её плечи были напряжены, спина прямая, будто она боялась, что если хоть немного расслабится, просто рассыплется. Она не выглядела счастливой. Не выглядела спокойной. Она выглядела так, будто весь мир был против неё.

Наши взгляды встретились, и в её глазах я увидел узнавание и ещё столько всего. Усталость, злость, обиду... и что-то ещё, что заставило моё сердце сжаться. Это было не просто «я взрослая». Это было «не подходи, обожжёшься».

Я сделал шаг вперёд, чувствуя, как воздух между нами становится наэлектризованней.

— Амелия? Ты? Ты... ты так выросла! — я не смог сдержать этого, потому что это была правда.

Она подняла подбородок, посмотрела прямо, не опуская глаз.

— Да, Кирилл Викторович! — её голос звучал ровно, но в нём прорывалась эта горькая, колючая нотка.

— Я выросла. И теперь мне не нужна нянька.

Меня её слова не задели, а только дали понять, что девочка выросла внешне, но внутри она ещё тот же ребёнок.

— Твой отец просил присмотреть за тобой! Поэтому твоя ирония не уместна, я человек слова и обещал ему помочь тебе с обустройством и с... со всем остальным! — ответил я чуть жёстко.

Её глаза на мгновение расширились, будто она не ожидала, что я так отвечу. И в этом взгляде мелькнуло что-то ещё.

— Мой отец много о чём просит. Но я здесь не для того, чтобы исполнять его просьбы, я чтобы учиться и присматривать за мной не надо! Я взрослая девочка!

Я замер на долю секунды. Да, Амелия действительно уже не выглядела как ребёнок.

Её шикарные волосы струились волнами по плечам. Линия рук, груди, бёдер... Всё это складывалось в образ, от которого меня крыло волной желания. Но я тут же одёрнул себя:

«Всё, Кирилл, остановись! Она дочь твоего друга! Ты совсем с ума сошёл!

Тебе просто не хватает секса! И у тебя есть Джесика!»

Я резко выдохнул, будто сбрасывая с себя это наваждение и ответил злостью больше на себя, чем на неё.

— Ладно! Взрослая девочка! Давай сначала доберёмся до дома. А потом будем разбираться!

Глава 3 Амелия

Мы выходим на стоянку и жара обрушивается на меня с новой силой, будто кто-то распахнул дверцу раскалённой печи. Солнце висит в небе тяжёлым медным диском и даже тень от навеса не спасает.

В Москве летом тоже бывает жарко, но там зной всегда какой-то... городской, что ли. Он смешивается с запахом асфальта, выхлопов, ветра между высоток и в нём есть жизнь, движение, ритм. А здесь воздух будто застыл, стал густым сиропом, в котором вязнут слова, мысли, даже шаги.

Кирилл Викторович молча берёт ручку моего чемодана, так уверенно, привычно, будто это самое естественное дело на свете, грузить мой багаж, везти незнакомую (а на самом деле очень даже знакомую) девушку в незнакомый ей город и разбираться с чужими проблемами.

Я ныряю в салон на заднее сиденье, будто прячусь. Но прятаться тут не от кого. И в нос ударяет запах кожи салона, тонкого ароматизатора и его парфюма. Тот самый, что я помнила все эти годы. Он его так и не сменил. Неброский, строгий, с лёгкой горчинкой, как тёмный шоколад. И сейчас он заполняет мои лёгкие, оседает где-то под рёбрами, и я вдруг понимаю, что дышать стало одновременно и легче, и труднее.

Машина трогается, и первые секунды я смотрю в окно, не видя ничего, только мелькание света и тени, блики на стёклах, расплывчатые силуэты пальм. Кондиционер работает на полную, но прохлада не сразу добирается до кожи, она сначала скользит по поверхности, не в силах пробиться сквозь эту липкую, душную жару, что прилипла ко мне ещё на трапе.

— Здесь всегда так жарко? — спрашиваю я, сама удивляясь, как тихо звучит мой голос после всей этой внутренней бури.

Кирилл Викторович чуть поворачивает голову, ровно настолько, чтобы я увидела его профиль в зеркале заднего вида, твёрдый, чёткий, будто высеченный из камня.

— Почти. Лето тут не отпускает до октября. Зато ночи хорошие. Прохладные. Ветер с океана.

Он говорит ровно, без эмоций.

Я киваю, хотя он и не смотрит на меня, и снова отворачиваюсь к окну. Бесконечные ряды одинаковых домов с черепичными крышами, яркие вывески, люди в лёгкой одежде, всё это чужое, незнакомое, будто декорации к фильму, в котором я случайно оказалась главной героиней. И я не знаю, нравится мне этот фильм или нет.

Тишина в салоне становится не выносимой. Она не давит, но и не даёт расслабиться, висит между нами, как тонкая плёнка, которую страшно проткнуть лишним словом. Я сжимаю пальцы на коленях, чувствуя, как ногти впиваются в ткань платья, и пытаюсь собрать мысли в кучу.

— Куда мы едем? — снова спрашиваю я, потому что молчать дольше уже невозможно.

— В квартиру, которую снял для тебя твой отец. Недалеко от кампуса... Там всё готово...

В его голосе нет ни осуждения, ни иронии, просто констатация факта. Но от этих слов мне становится горько.

«Всё готово».

Как будто меня упаковали, как посылку и отправили по адресу, где уже всё расставили по полочкам. Даже думать не надо.

— «Папа» как всегда, обо всём позаботился! — тихо говорю я, и в этих словах столько горечи.

Кирилл Викторович на секунду, будто сдерживая вздох, крепче сжимает руль.

— Амелия, твой отец переживает за тебя. По-своему.

— По-своему. — повторяю я, и это слово звучит как приговор.

Ещё несколько минут мы едем в тишине, и только шум кондиционера и тихий гул мотора нарушают её. Я смотрю, как солнце садится за крыши домов, окрашивая небо в цвета расплавленного золота и алого огня, и я вдруг чувствую, как усталость накатывает волной.

Когда машина наконец останавливается, мы выходим.

— Твоя квартира на шестом этаже! — говорит он, подхватывая чемодан так легко, будто тот совсем ничего не весит.

Я киваю, не находя слов. В горле пересохло не от жары, а от этой странной, колючей тишины, которая снова повисла между нами. Он идёт чуть впереди, и я невольно ловлю ритм его шагов, чёткий, уверенный, будто он знает, куда идёт.

Он первым заходит внутрь, ставит чемодан у порога и оглядывается. А я стою на пороге, не решаясь переступить эту невидимую черту. Квартира светлая, просторная, с большими окнами, из которых виден город, но он чужой, не мой. Здесь пахнет новизной, чистящими средствами, чем-то обезличенным. Но я прохожу вглубь не для того, чтобы доказать что-то, а просто чтобы перестать стоять на пороге, будто я здесь в гостях.

— Амелия, мне нужно сейчас уехать! Дела! Но если тебе что-то понадобится, звони? Мой номер я тебе скину в смс! — говорит Кирилл Викторович, смотря на меня, пока я обхожу территорию квартиры, где мне предстоит жить.

— Мне не нужна помощь! Я сама разберусь, сама найду кампус, сама... — голос звучит резче, чем хотелось бы, но поворачиваясь я замолкаю, так как вижу, что он подходит ко мне, не близко, но ощутимо. И в его глазах снова то выражение лица как в аэропорту и от этого по телу проходит дрожь.

Его желваки ходят ходуном, а в глазах вспыхивает что-то острое, не просто раздражение, а какая-то внутренняя борьба, будто он сам себя сейчас сдерживает, чтобы не схватить меня и не встряхнуть, чтобы докричаться сквозь эту стену, которую я выстроила между нами.

— Амелия, я понимаю, что ты хочешь быть самостоятельной! — говорит он, и в его голосе слышится напряжение, натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

— Но я не могу позволить, чтобы с тобой что-то случилось. Поэтому, извини, но придётся потерпеть моё общество.

От этих слов у меня внутри всё сжимается. От того, как ему тоже даётся не легко это «придётся потерпеть». Как будто ему самому невыносимо быть здесь, быть моей «нянькой», моим «надзирателем», моим... кем?

Глава 4 Кирилл

Когда я соглашался на просьбу Миши присмотреть за его дочерью, я думал, что всё будет проще. Ну, встречу, отвезу, покажу пару мест, дам пару советов, как тут обустроиться в первые недели и на этом моя миссия закончится. Но когда я увидел эту девочку в аэропорту, я понял, будет не просто. И это не оттого, что она капризничала или делала что-то не так. Будет не просто мне. Эта девочка вызывала во мне совсем другие ассоциации, и я тщетно отгонял их от себя.

У меня есть Джесика. А Амелия, запрет! Она юная девочка, у нас разница в возрасте почти восемнадцать лет, она дочь друга и я не имею права вообще думать о ней в таком «ключе». Эти мысли кололи, как осколки стекла, и я снова и снова проговаривал про себя эту мантру, будто она могла меня спасти.

Квартира, которую снял Миша, находилась недалеко от моего офиса, даже здесь он всё учёл. И институт, в котором будет учиться Амелия, тоже был в этом же районе. Будто он пытался выстроить для неё безопасный маршрут по чужому городу, от дома до учёбы и обратно.

Пока мы ехали, я ловил в зеркале её отражение, она смотрела в окно, но мельком иногда кидала на меня взгляды. Я пытался сосредоточиться на дороге, на привычных манёврах, на том, как безопасно вести машину по знакомым улицам, чтобы хотя бы так дать ей понять, здесь можно не бояться, тут всё под контролем. Но сам я не чувствовал никакого контроля. Внутри всё было перекручено, перепутано, долг перед другом, неловкость перед этой выросшей девочкой, и это предательское, жгучее чувство, которое я запрещал себе называть.

Когда мы подъехали к дому, я вышел первым. Она чуть помедлила, потом всё-таки вышла, не глядя на меня.

Я её сейчас понимал как никто другой. Чужой город, чужая обстановка, сам был в такой же ситуации пять лет назад. Но я был уже состоявшимся человеком, который многое в жизни повидал. А Амелия, она ещё молода и только начинает свои первые взрослые шаги.

Я видел, как она безразлично осматривала квартиру. Ни удивления, ни радости, ни даже лёгкого любопытства, будто всё это не имело к ней никакого отношения.

Да, девочка не проста. Она хочет казаться самостоятельной, будто если хоть на секунду позволит себе слабость, мир тут же обрушится. Но, к сожалению, я не мог дать ей ту свободу, о которой она так отчаянно заявляла. Я обещал Мише. И как бы мне ни хотелось спорить с Амелией, как бы ни раздражала эта вынужденная роль опекуна, она будет меня слушаться, хотя бы потому, что у неё сейчас нет выбора.

Я вышел из её квартиры со смешанными чувствами. В груди теснило от этой неловкой, колючей ответственности, от ощущения, что я шагаю по минному полю, где любое слово может стать ошибкой. С одной стороны, друг, который доверил мне самое дорогое. С другой Амелия, которая вызывала во мне бурю чувств.

Сев за руль, я на секунду замер, прикрыл глаза и глубоко вдохнул. Потом резко выдохнул, будто сбрасывая с себя этот груз, хотя понимал, он никуда не денется. Включил зажигание и поехал в сторону компании.

В офисе меня тут же накрыла привычная суeta, звонки, письма, срочные вопросы. Контракт по объекту на побережье висел надо мной «дамокловым мечом», юристы сыпали правками, сроки горели. Я просматривал документы, но строчки расплывались перед глазами, а в голове снова и снова прокручивался тот момент в аэропорту.

День тянулся бесконечно. Каждый раз, когда телефон лежал рядом, я ловил себя на том, что жду, хоть какого-то сообщения или звонка от Амелии. К вечеру суeta немного стихла. Я откинулся на спинку кресла, потер виски, пытаюсь вернуть ясность мысли.

Телефон завибрировал, когда за окном уже стояла глубокая ночь. Я взглянул на экран, Миша. А в Москве уже день вступал в свои права.

Я выдохнул, собираясь с силами, и нажал «принять».

— Кирилл, ты ещё в офисе? Раньше не смог тебя набрать! — голос Миши звучал напряжённо, но привычно деловито.

— У вас уже поздно, а у нас тут день в разгаре. Всё нормально? Как Амелия?

Я на секунду замер, подбирая слова, чтобы не выдать ни своей неловкости, ни того, как сильно эта девочка успела меня зацепить.

— Привёз, устроил. Квартира в порядке, всё как ты просил. Не волнуйся!

Миша помолчал и в этой паузе я услышал всё, и его тревогу, и попытки казаться спокойным, и то, как тяжело ему вообще об этом спрашивать.

— А она сама? Она не берёт трубку! — проговорил он наконец, и в этом слове было столько отцовского страха, что у меня внутри что-то дрогнуло.

— Не злитесь? Просто... я знаю, что она упрямая и характер тот ещё!

Я прикрыл глаза, вспоминая, как Амелия стояла в квартире, безразлично скользя взглядом.

— Злитесь! — честно ответил я, не видя смысла сглаживать углы.

— И имеет на это право. Для неё тут всё чужое!

Миша глухо выругался себе под нос.

— Прости, Кир. Я знаю, что свалил на тебя свою дочь. Просто... здесь такой ад, что если она останется...

— Не надо извиняться! — тихо сказал я.

— Ты отец и делаешь, как считаешь нужным, чтобы её защитить. Я просто... буду с ней рядом. Постараюсь не давить.

Он снова помолчал, будто эти слова были для него чем-то вроде опоры.

— Спасибо! Ты не представляешь, как это для меня важно. Я разгребу тут свои дела, как только смогу и сразу приеду к ней.

— Договорились! — ответил я ему.

Мы попрощались с Мишей и я решил перезвонить Амелии, узнать, как она там, как обустроилась, может, что-то нужно, продукты, какие-то мелочи, да и что лукавить, просто голос её услышать и убедиться, что она в порядке.

Я уже потянулся к телефону, но только я хотел нажать «вызов», как экран вспыхнул, и на нём высветилась Джесика.

Глава 5 Амелия

Когда дверь за Кириллом Викторовичем закрылась, в квартире стало слишком тихо. Эта тишина не была уютной, она будто подчёркивала, насколько я здесь чужая. И вдруг, вопреки всей моей бравade, мне отчаянно захотелось, чтобы он вернулся. Хоть на минуту. Хоть чтобы просто снова услышать его спокойный, чуть хриловатый голос, который как будто удерживал мир от того, чтобы не рассыпаться на осколки.

«Амелия ты же сама показала ему, что ты самостоятельная?» — язвительно шептал внутренний голос, и от этого становилось только хуже.

Да, я хотела быть сильной. Гордость не пускала. Или страх. Страх, что он обернётся, посмотрит на меня и снова увидит упрямую девочку, которая всё делает назло.

А потом навалилась усталость. Перелёт, смена часовых поясов, этот чужой воздух, который будто высасывал силы... Я едва успела принять душ, как рухнула на кровать и сон накрыл меня.

Проснулась я от тишины. Такой густой, какой в Москве не бывает даже ночью, там всегда где-то гудит лифт, шуршит за стеной сосед, гудит трасса за окном, город никогда не спит. А здесь тишина была живой, осязаемой, будто дом дышал медленно и ровно, не замечая, что внутри него кто-то есть.

За окном уже стемнело. Город горел огнями, непривычно яркими, слишком чистыми, будто нарисованными. Я потянулась за телефоном и только тогда заметила пропущенные, три от отца и одно от Ритки.

Ритка. Единственная, кто знал меня всю. Все мои «тараканы» и та, кому я могла многое доверить.

С отцом разговаривать не хотелось. Вообще. Пусть узнает всё у Кирилла Викторовича. В конце концов я не напрашивалась на эту поездку.

Я нажала на вызов Ритки и прижала телефон к уху.

— Ну наконец-то! — выдохнула Ритка, и от этого привычного, чуть ворчливого тона у меня на глазах выступили слёзы.

— Я уже думала, ты там растворилась в этом своём калифорнийском зное!

— Прости... Я уснула. — пробормотала я и голос дрогнул.

— Ну и чего с голосом, как будто тебя отправили не в солнечную Калифорнию, а на Дальний Север? — ответила она, и в этом ворчании столько родного, что слёзы, которые я так старательно сдерживала, всё-таки прорвались.

— Не знаю, Рит... Здесь всё чужое! — прошептала я, обхватывая себя руками, будто так можно было удержать хоть каплю тепла.

— А самое фиговое, что меня встречал в аэропорту человек, которого я так старательно пыталась забыть все эти годы!

Ритка на секунду замолчала и в этой тишине я почти услышала, как она прислушивается, чтобы сейчас быть только со мной.

— Кирилл? — тихо спросила она, без лишних уточнений, потому что знала всё.

Знала про те пять лет, когда я пыталась вычеркнуть его из мыслей, про то, как я прятала взгляд, если отец упоминал его имя, про то, как однажды ночью я плакала у неё на плече и шептала:

«Почему именно он?»

— Да! Он стоял там, такой... невыносимо красивый. Как будто весь этот хаос вокруг него просто не существует. А у меня внутри всё дрожало. Я столько лет убеждала себя, что это была просто детская глупость. Что я выросла, что мне всё равно. А стоило его увидеть и будто пять лет никуда не делись! — выдохнула я.

— Во дела! — воскликнула Ритка, и в этом возгласе было столько привычного, родного возмущения, что мне даже плакать вдруг перехотелось.

— У Мишки, значит, действительно всё серьёзно с бизнесом «полетело», раз решил тебя отправить так далеко! — она будто больше себе это сказала, чем мне, будто пытаюсь уложить в голове всю эту нелепую, несправедливую логику взрослого мира.

— Ты о чём, Рит? — переспросила я.

— Прости, Амели, лишнего сейчас наговорю тебе! Твой отец, взрослый человек, у него своя жизнь, свои решения, и он имеет на них право. Но это не значит, что тебе от этого должно быть легче.

— Но вот, что я тебе скажу девочка! Пусть всё идёт как идёт, ты начни учёбу! А этот твой Кирилл пусть тебе помогает, не отталкивай его, ты сейчас пока там одна! Втянешься, познакомишься может с калифорнийским каким-нибудь красавчиком и всё, забудешь про своего "старичка"!

— Старичка, Рит! Ты же видела его на фото? Сейчас он стал ещё красивее, как с годами дорогое вино! — ответила я и сама удивилась, что в голосе вдруг проскользнула улыбка.

Ритка на том конце провода фыркнула.

— Ну да, ну да... дорогое вино! — протянула она с нарочитой серьёзностью.

— Только помни, Амель, вино надо дегустировать, а не топить в нём все свои печали. И не надо из него делать смысл жизни.

Я тихо рассмеялась, и этот смех вышел немного дрожащим, но настоящим.

— Я и не собираюсь! Ты же меня знаешь?

— О, да! Та ещё заноза! Но я тебя всё равно люблю! — ответила Ритка, и в её голосе снова прорезалась эта привычная, родная теплота, будто она не в тысячах километров от меня, а сидит рядом.

— И я тебя! — прошептала я, и от этих простых слов внутри будто что-то чуть-чуть распрямилось, как туго скрученная пружина, которая наконец-то получила право чуть-чуть ослабнуть.

— Знаешь, если бы не ты, я бы сейчас, наверное, просто завывала от тоски. А так... даже реветь перехотелось.

— Ну вот, уже прогресс. Запишем в дневник достижений. — хмыкнула Рита.

Я невольно улыбнулась.

— Ты всегда умеешь превратить катастрофу в приключение. Даже если это приключение происходит в чужой квартире, в чужой стране, с чемоданом, который я кстати так и не распаковала!

— Ну вот, у тебя есть чем заняться на досуге! И не грусти, всё в твоих руках красотка! — тут же подхватила она.

Мы ещё немного поболтали, про ерунду, про мелочи. И с каждым её словом этот чужой город за окном становился чуть менее пугающим.

Когда мы попрощались, я положила телефон на тумбочку и огляделась. Потом поднялась и подошла к окну. Ветер с океана стал сильнее, он шевелил занавеску, приносил запах соли и чего-то бескрайнего, свободного. Город горел огнями, и на этот раз они не казались мне нарисованными. Они были живыми. Настоящими. Я не знала, понравится ли мне когда-нибудь Калифорния. Не знала, смогу ли я привыкнуть к её яркому свету, к её густой жаре, к этой звенящей тишине.

«Но завтра будет новый день! — подумала я, натягивая свитер, в который тут же уткнулась носом, вдыхая знакомый запах дома.

Завтра я пойду на кампус. Скоро учёба. А сегодня... сегодня я просто позволю себе быть уставшей и немного потерянной. И это нормально!».

Глава 6 Кирилл

Я прикрыл глаза на секунду и прижал телефон к виску, будто так можно было выдавить из головы всё лишнее. Хотелось просто выдохнуть. День сегодня выдался бесконечный.

И Джесика не была виновата в том, что меня сейчас всё раздражало. Нужно было сейчас отвлечься, а с ней можно было это сделать. Выкинуть все ненужные мысли из головы хорошим сексом.

— Да, Джесика! — ответил я спокойно, хотя в душе был хаос.

— Привет, дорогой! — ответила она на хорошем разговорном русском.

— Голос уставший у тебя. Я хочу увидеть тебя, может, встретимся? — снова добавила Джесика.

Я стиснул зубы, пытаюсь удержать равновесие между тем, что мне хотелось, и тем, что я должен был чувствовать.

Джесика шикарная женщина, младше меня на пять лет, и казалось, у нас одинаковые взгляды на жизнь. В постели с ней интересно, но на большее я не соглашался. Хотя понимал нужна семья, мне уже скоро сорок. Только вот «семья» в моих мыслях сейчас звучала как чужой сценарий, не мой. Как будто кто-то другой должен его проживать, а я просто гость на этой премьере.

— Здравствуй, давай встретимся! — сказал я, и в этом «давай» прозвучало не столько желание, сколько отчаянная потребность заглушить внутренний шум.

Она тут же подхватила:

— Приезжай ко мне! Заодно накормлю тебя поздним ужином! Ты наверняка опять на перекусах! Ну и просто поговорим.

Разговоры сейчас были последним, чего хотелось. Хотелось просто на пару часов перестать быть тем, кто обязан всё держать под контролем. Тем, кто пообещал другу присмотреть за его дочерью. Тем, кто должен быть безупречным.

Но так как я обещал Мише, а обещания я держал, мне нужно было проверить как там обустроилась Амелия. Поэтому я решил не звонить ей, а заехать. Заодно заскочить в магазин, купить продуктов, хотя холодильник был у неё забит.

"Даа Кирилл... что с тобой происходит? Ты сейчас пытаешься угодить какой-то девочке?" — твердил внутренний голос.

Но я тут же пытался себя переубедить. Это всего лишь помощь дочери друга, не более.

Заехал в супермаркет набрал фруктов, сладкого, хотя не знал, что любит Амелия. Но наверно все молоденькие девочки любят сладкое. И подъехав к её дому, поднялся и нажал на звонок. Прошло не больше пары секунд, как за дверью послышался голос Амелии.

— Кто там? — ответила она настороженно.

— Амелия, это Кирилл Викторович, открой! — ответил я, как можно спокойно.

Через пару секунд, замок щёлкнул и дверь открылась. Амелия стояла на пороге в пижаме, видимо уже готовясь ко сну и эта пижама больше открывала всё, чем скрывала. Волосы были заплетены в те же самые косы, как в детстве, тонкая шея, высокая грудь, округлые бёдра, которые я сейчас хотел...

Я понимал, что я сейчас задерживаю на этой девочке взгляд дольше, чем положено другу её отца, но поделать с собой ничего не мог. А эта засранка, ещё больше подливала масла в огонь, нисколько мне не помогая.

— Кирилл Викторович, вы могли бы просто мне позвонить? У меня всё в порядке! — ответила она и сделала шаг, чтобы закрыть входную дверь, обдавая своим цветочно-свежим ароматом, от которого у меня внутри всё перевернулось.

— Вижу, что в порядке! — ответил я ей немного грубым голосом и отступил в сторону, не от неё, а от самого себя, от того, как близко подступила ко мне эта запретная, острая тяга.

Пакет с покупками врежется ребром в ладонь, и эта резкая, почти спасительная боль напомнила, я здесь не за этим.

— Хотел просто увидеть всё своими глазами! — ответил я ей, отводя от неё взгляд и проходя на кухню.

Амелия направилась за мной следом.

В квартире пахло чем-то тонким, девичьим, и этот запах тут же ударил снова по нервам, обостряя всё, тишину, свет лампы, её дыхание. Кухня маленькая и от этого пространство казалось ещё более интимным, будто мы оказались в каком-то отдельном, закрытом от всего мира месте.

— Ты голодная? — спросил я, ставя пакет на стол и стараясь, чтобы вопрос звучал обыденно, как у человека, у которого внутри не бушует шторм.

Амелия пожала плечами, но я заметил, как её взгляд скользнул к пакету, к яркой обёртке шоколадных конфет, и в этом коротком взгляде мелькнуло что-то похожее на детское предвкушение, которое она тут же пыталась спрятать.

— Я перекусила, так что не переживайте Кирилл Викторович, я не голодная! — ответила она безразлично, стоя, сложив руки перед собой, как будто закрываясь от меня.

— Ты почему отцу не отвечаешь, он волнуется! — перевёл я тему и снова посмотрел на неё.

Амелия замерла, будто я швырнул в неё чем-то тяжёлым. Плечи её чуть приподнялись, как у кошки, которая готова оцетиниться, и в глазах мелькнуло это знакомое, «не лезь».

— Я... я не хочу с ним говорить! — тихо, почти шёпотом, будто сама себе не захотела признаваться в этой слабости, ответила она.

И тут же попыталась вернуть себе колючесть, выпрямляя спину и вздёрнув подбородок.

— Да и вы наверно сами всё ему уже рассказали!

Я замер, будто налетел на невидимую стену. Её слова ударили не злобой, в них была обида, острая и свежая, как порез. И я вдруг понял, она не просто злится на отца. Она чувствует себя преданной.

— Нет, Амелия! — тихо, но твёрдо сказал я, глядя ей прямо в глаза, чтобы она видела, я не пытаюсь её поучать, я говорю правду.

— Ничего я ему не рассказывал. Не моё это дело, пересказывать твои эмоции. Я просто сказал, что ты доехала, что квартира в порядке. И что ты имеешь право злиться.

Она на секунду опустила взгляд, будто проверяя, не вру ли я. Потом снова подняла на меня глаза и в этом взгляде было столько уязвимости, что у меня внутри всё сжалось.

— Пусть живёт своей жизнью. У него там свои проблемы... А я тут. Сама. — прошептала она, и голос её дрогнул, хоть она и старалась держаться ровно.

Я шагнул ближе, но оставил между нами эту необходимую дистанцию. И заговорил тихо, почти шёпотом, будто боялся спугнуть её откровенность:

— Он твой отец, Амелия. Он отправил тебя сюда не потому, что хотел избавиться. Он сделал это, потому что любит. По-своему, неуклюже, может, даже неправильно, но любит. И для него знать, что ты здесь, в безопасности, это важно.

Её ресницы дрогнули, и я увидел, как в глазах блеснули слёзы. Она быстро сморгнула, не позволяя им пролиться, и отвернулась, будто стыдясь этой слабости.

— Может быть вы в чём то правы Кирилл Викторович, но не делайте из моего отца героя, вы не виделись с ним пять лет, он изменился по крайней мере в моих глазах! — ответила она, снова посмотрев на меня с вызовом.

— Ты права! Я не видел его пять лет. И не знаю, каким он стал. Но знаешь, что я тебе скажу? Если твой отец отправил тебя сюда, значит, среди всех своих «дел», он нашёл в себе

силы сделать хоть что-то для тебя. Пусть неуклюже. Пусть криво. Но это было про заботу. И это лучшее, на что он сейчас способен! — твёрдо сказал я.

— А я хочу, чтобы он был просто... нормальным отцом! — прошептала она, и в этом шёпоте было столько горечи, что мне захотелось стереть из её памяти все те моменты, когда отец её подводил.

Я посмотрел на часы, было уже поздно, и я вдруг вспомнил, что собирался к Джесике. Но сейчас эта мысль казалась какой-то далёкой, почти чужой. Как будто в эту минуту здесь, на этой крошечной кухне, было единственное место, где я действительно был нужен.

— Амелия, мне пора! Завтра я могу тебя свозить в кампус, если хочешь? Или ты сама разберёшься?

Она чуть помедлила, будто взвешивала каждое слово, прежде чем его выпустить. Потом пожала плечами, но в этом движении уже не было той резкой, отгораживающей злости.

— Не знаю... Наверное, лучше сама. Не хочу, чтобы из-за меня у вас срывались планы.

Глава 7 Амелия

Я сидела на подоконнике, поджав ноги, и смотрела, как город постепенно гасит свои огни, один за другим, будто кто-то неторопливо выключал лампы в огромном театре. В комнате становилось темнее, а мысли громче. Они кружились, сталкивались, не давали ни секунды тишины.

«Он ведь не обязан обо мне заботиться! — шептала я себе, утыкаясь лбом в прохладное стекло.

Он просто друг отца. Дал слово. Держит его. Всё».

Но от этого «всё», почему-то становилось только хуже. Потому что каждый его жест, как он чуть задержался у двери, будто хотел что-то добавить, но не нашёл слов, как в последний момент всё-таки обернулся и сказал:

«Если что, сразу звони» — всё это отзывалось внутри странным теплом, от которого хотелось одновременно плакать и злиться.

Я злилась на себя за эту слабость. За то, что мне так важно было, чтобы он смотрел на меня не как на чью-то дочку, не как на задачу, которую надо решить, а как на... кого-то, кто для него что-то значит.

И эта ревность, гадкая, колючая, царапала изнутри. Мысль о том, что у него может быть женщина, которая не требует от него быть «ответственным», не заставляет его чувствовать долг, эта мысль жгла внутри.

«Да что со мной не так?» — прошептала я, сжимая кулаки.

Пять лет я училась не думать о нём. Пять лет убеждала себя, что это была просто детская вспышка, нелепая влюблённость, которая растает, как утренний туман. А теперь этот туман вернулся, густой, непроглядный, и я снова в нём задыхаюсь.

Утром, когда первые лучи солнца скользнули по полу, я встала раньше, чем зазвенел будильник. Надела платье, так как по прогнозу, сегодня опять должна быть жара. Собрала волосы в небрежный хвост. В холодильнике нашлись йогурт и банан, этого хватит.

Перед выходом я остановилась у зеркала. В отражении была не та девочка с косичками, а девушка, которая должна быть самостоятельной и жить в тех условиях, в которых она оказалась.

В телефоне забила адрес кампуса, в котором мне предстояло через два дня начать обучение. Здание представляло собой комплекс корпусов, чем-то похожих на наши в Москве, но вокруг кампуса было много зелени и бесконечные лужайки. Будто кто-то специально разбавил бетон и стекло жизнью, чтобы студентам было где передохнуть.

Зайдя внутрь, я сориентировалась, где кабинет приёмной комиссии. Было немного не по себе слышать американскую речь, но, так как я хорошо понимала и разговаривала на иностранном, мне это было привычно. Просто слова звучали иначе, быстрее, легче.

Я подошла к стойке, и девушка за ней улыбнулась так искренне, что я невольно улыбнулась в ответ.

— Hi! I'm Amelia. I'm here to finalize my enrollment! — сказала я, и собственный голос прозвучал на удивление спокойно.

Она кивнула, щёлкнула мышкой, нашла мою фамилию, и дальше всё пошло по цепочке, подпись здесь, инициалы там, пропуск, карта кампуса, брошюра с правилами. Каждое действие было маленьким шагом, который отдалял меня от той Амелии, что стояла вчера в аэропорту.

Когда всё закончилось, я вышла обратно в коридор и вдруг остановилась, потому что поняла, я сделала это. Сама. Без отца, без Кирилла Викторовича, без чьих-то указаний. Просто пришла и разобралась.

Лужайки манили присесть, но я не стала. Вместо этого пошла по дорожке, разглядывая карту и стараясь запомнить повороты. Мне хотелось знать этот маршрут наизусть, чтобы в первый учебный день не выглядеть растерянной.

И тут телефон в кармане завибрировал. Я вытащила его, и сердце на секунду подпрыгнуло, вдруг это он? Но нет, сообщение было от Ритки:

«Как дела Амели? Ну что, уже чувствуешь себя местной?»

Я улыбнулась и быстро набрала:

«Почти местная. Только что оформилась в приёмной кампуса».

Ответ пришёл почти сразу:

«Вот видишь! Ещё пара дней и будешь как американка. Держи хвост пистолетом!»

Я улыбнулась, спрятала телефон и пошла дальше. Но только я хотела свернуть к местному парку прогуляться, как впереди я увидела его.

Кирилл Викторович стоял у края дорожки, чуть в стороне от потока людей. Он не выглядел так, будто поджидал меня, скорее, будто просто оказался в нужном месте в нужное время. Но я знала, что это не случайность.

Он был в том же строгом стиле, тёмные брюки, светлая рубашка, рукава чуть закатаны, будто он только что снял пиджак и не стал его надевать снова. И в этой небрежной собранности было что-то такое, от чего у меня снова перехватило дыхание.

Наши взгляды встретились. Он чуть приподнял бровь, словно спрашивая:

«Ну что, справилась?»

Я подошла к нему, стараясь не ускорять шаг, не выдавать, как сильно мне хотелось, чтобы он улыбнулся.

— Вы... вы что, следили за мной? — спросила я, пытаюсь вложить в голос максимум иронии, но вышло скорее облегчённо.

Он усмехнулся, совсем чуть-чуть, только уголок губ дрогнул.

— Не следил. Просто знал, куда ты пойдёшь. Решил, что тебе может понадобится компания на обратном пути, вдруг заблудишься?

— А вы разве не должны быть сейчас на работе? — спросила я, и в вопросе невольно скользнула эта колючая нотка, будто мне хотелось уколоть его, чтобы не чувствовать себя такой уязвимой.

Он чуть прищурился, будто считывал не слова, а то, что пряталось за ними. И ответил спокойно, без спешки, как человек, который привык, что время у него под контролем:

— Должен. Но кое-кто оказался важнее!

От этих слов у меня внутри всё дрогнуло. Я хотела было снова выпустить шипы, сказать что-нибудь резкое, про то, что я не просила о внимании. Но язык будто прилип к нёбу. Потому что в его голосе не было ни снисхождения, ни желания покрасоваться. Просто факт. Спокойный, твёрдый, как он сам

Глава 8 Кирилл

Амелия опять показала себя самостоятельной. Я не стал спорить с ней. Давал ей право выбора, не давая, но и не собиравшись забывать, что несу за неё ответственность, потому что я старше, потому что Миша мой друг, а обещания я не бросаю на ветер.

Выйдя из её квартиры и сев в машину, я поехал к Джесике. Она открыла дверь и как всегда была великолепна, пеньюар подчёркивал её стройную фигуру, волосы были уложены так, будто она ждала не просто меня, а событие, но в её глазах мелькнуло лёгкое недоумение.

— Я думала, ты передумал приехать ко мне? — тихо сказала она и тут же потянулась ко мне, и хотела поцеловать, будто этим движением могла стереть из меня весь день.

Я чуть отстранился, не грубо, но достаточно, чтобы она поняла, сегодня я не тот мужчина, который может просто раствориться в её тепле.

— Прости, были дела! — ответил я, не вдаваясь в подробности.

Ей они ни к чему. Да и не умел я раскладывать по полочкам то, что сам ещё не уложил у себя в голове.

Она замерла на секунду, потом опустила руки и чуть склонила голову, изучая меня. А потом развернувшись, прошла в гостиную.

Её квартира была уютной, такая же как и её хозяйка, но я сейчас не чувствовал этого уюта. Мы сели за стол, но аппетита не было.

— Давай выпьем? — спросила она и я взяв вино, открыл бутылку, и разлил по бокалам.

Взял бокал, но не пригубил, просто крутил его в пальцах, смотря на бокал и чувствуя, как стекло холодит кожу.

Джесика встала и подошла к окну, смотря на огни города, будто искала в них какой-то ответ. Потом обернулась, чуть склонила голову, и в её взгляде не было ни упрека, ни нетерпения, только тихое ожидание.

— Кирилл ты сегодня будто сквозь меня смотришь? Что-то случилось? — сказала она мягко, без обиды, просто констатируя факт.

Я сжал пальцы крепче, так что захрустело стекло, и тут же ослабил хватку.

— Прости! — пробормотал я.

— День... он просто вышел не таким каким я думал.

Джесика развернулась от окна и подойдя ко мне сзади, начала массировать плечи. Раньше я бы уже давно расслабился от её рук и мы занялись сексом, но сейчас мои мысли были о другой.

Я накрыл её руки своими, не чтобы притянуть, а чтобы мягко остановить. Джесика замерла, потом чуть отстранилась, села напротив, и в её взгляде уже не было ни кокетства, ни ожидания. Только вопрос:

«Что с тобой?»

— Прости, но я сегодня не в настроении и извини за испорченный вечер! — сказал я ей и поднявшись пошёл на выход.

— Кирилл, у тебя появилась другая? — спросила спокойно она, но я слышал как её голос сорвался.

Я замер у двери, рука легла на холодную металлическую ручку, будто она могла удержать меня от того, чтобы не сорваться на резкие слова.

— Нет, Джесика! — тихо, но твёрдо сказал я, не оборачиваясь.

— С чего ты это взяла? — повторил я, всё ещё не оборачиваясь. Слова прозвучали резче, чем хотелось, и я тут же пожалел об этом.

Я медленно повернулся. Она стояла посреди комнаты, сложив руки на груди, будто пыталась удержать себя. В её глазах не было злости, только эта тихая, колющая боль от того, что вечер рассыпался, как карточный домик.

И я понимал, что не хочу сейчас этого разговора и вообще было ошибкой согласиться приехать к ней.

— Прости, что пришёл и ничего не могу тебе дать! — выдохнул я, опуская плечи.

Джесика чуть склонила голову, изучая меня, будто видела впервые.

— Ты не обязан ничего давать, Кирилл! Но ты можешь просто рассказать, что с тобой происходит? — тихо сказала она.

— Всё в порядке! Правда! Просто устал! Пока! — выговорил я, словно выталкивая из себя каждое слово и вышел из квартиры.

Выйдя на улицу, я вдохнул прохладный воздух и пошёл к машине. Сев в салон, завёл двигатель. Хотелось курить. Хотя бросил давно. Я не понимал, что сейчас со мной происходило. Наверно, просто нужно выспаться, я просто устал.

Но это была ложь, не усталость. Усталость я знал, это когда ноги гудят после двенадцати часов на площадке, когда глаза слипаются от цифр в отчётах. А это было другое. Это было чувство, будто меня разорвало на части и каждую часть тянуло в её сторону.

Я достал телефон, посмотрел на экран, будто он мог подсказать, куда ехать и что делать. Пальцы сами потянулись к чату с Амелией. Набрал:

«Ты спишь?» — и тут же стёр.

Слишком поздно. Слишком навязчиво. Слишком... по-отечески, а я не её отец.

Вместо этого включил поворотник и поехал домой.

Я знал, что Амелия утром собиралась идти в кампус. И я дал ей эту возможность найти его самостоятельно. У девочки был характер и он мне нравился. Она вся в своего отца, этого было не отнять. Но я решил всё равно приехать, чтобы удостовериться, что с ней всё в порядке. И увидел её, уже выходящей из здания.

Я стоял, прислонившись к машине, и старался выглядеть непринуждённо, будто это обычное утро, будто я просто мимо проезжал. Но внутри всё ходило ходуном. Амелия в этом платье, с распущенными волосами... она выглядела не как упрямая девчонка, которую нужно опекать, а как красивая девушка, у которой вся жизнь впереди и эта жизнь сейчас казалась мне до боли хрупкой.

— Вы... вы что, следили за мной? — спросила она, пытаясь вложить в голос максимум иронии, но вышло скорее облегчённо. Будто где-то глубоко она была рада, что я здесь.

— Не следил! — спокойно ответил я, стараясь не выдать, сколько нервов сожгло это «просто заехать посмотреть».

— Просто знал, куда ты пойдёшь. Решил, что тебе может понадобится компания на обратном пути. Вдруг заблудишься?

Она фыркнула, но в этом фырканье не было прежней злости, скорее попытка удержать привычную броню.

— А вы разве не должны быть сейчас на работе? — снова спросила Амелия, не сдаваясь, но уже не так резко.

— Должен! — честно признался я.

— Но кое-кто оказался важнее.

Её глаза чуть расширились, и в них мелькнуло что-то вроде растерянности. Будто она не знала, как реагировать на то, что кто-то ставит её выше своих дел.

— Не надо! Не делайте из меня проблему, которую нужно решать. — тихо сказала она, будто боялась поверить в эти слова.

Я оттолкнулся от машины и шагнул к ней, но не слишком близко, держал дистанцию, которую сам себе пообещал. Хотя хотелось совсем другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.